

PUBLIC LIB  
NOV 29  
ASTOR LENOX  
TILDEN FOUND

# НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

1 CENT

N.Y. Public Library  
42 St. 4th Fl. New York  
N.Y.C.

NOVOE RUSSKOYE SLOVO, 243 West 56th Street, New York 19, N. Y.

# Гоголь в Иерусалиме

Из серии «Русские паломники в Палестине»

2

Н. В. Гоголь посетил Иерусалим ровно сто с лишним лет тому назад — в феврале 1848 года. В январе он выехал на австрийском пароходе «Махмудия» в Смирну, там пересел на пароход «Истанбул», который и привез его в Бейрут. В столице Сирии Гоголь пробыл дней десять и оттуда, в сопровождении русского генерального консула Базили, который был его однокашником по нежинскому лицейу, и генерала Крумова, направился в Иерусалим.

Некий священник Соловьев, который плыл на том же пароходе, так описывает Гоголя: («В. Вересаев — Гоголь в жизни», Москва 1941 г.).

«Маленький человек, с длинным носом, черными, жиденькими, усами, с длинными волосами, причесанный «а ля хужожник», сутуловатый, постоянно смотревший вниз. Белая поярковая с широкими полями шляпа на голове и итальянский плащ на плечах, известный в то время у нас под названием «манто» — составля-

ли костюм путника. Все говорили, что это какой-нибудь путешествующий художник»...

Этот «какой-нибудь путешествующий художник», отправившийся в Палестину, под влиянием отца Матвея, сыгравшего такую роковую роль в последние годы жизни Гоголя, в пути сильно нервничал и беспрестанно жаловался на отсутствие «комфорта» как в путешествии, так и в самом Иерусалиме. Гоголь все время помыкал своими спутниками, и консулу Базили неоднократно приходилось указывать своему знаменитому соотечественнику и другу детства, что своей невоздержанностью и ворчливостью он ставит его, генерального консула России, в не возможное положение перед арабскими гидами, которые никак не могут уразуметь, почему «какой-то» невзрачный штабский позволяет себе третировать такую важную особу как генеральный консул России на Ближнем Востоке, а тот на его ворчанье и ругань не реагирует.

Видно, что чувствовал себя Гоголь в пути не очень хорошо. Из Бейрута путешественники добрались до Иерусалима на лошадях и мулах. В феврале в Палестине хотя и не жарко, но не трудно себе представить, что по тогдашнему состоянию дорог в Св. Земле, при турецком режиме, путешествие на мулах и лошадях было не очень комфортабельным.

Гоголь был в дороге не очень разговорчив. Да и в письмах к Жуковскому он довольно скуп на слова.

«Что могу сказать я чего бы не сказали уже другие? — пишет он с пути. Какие краски, какие черты представляю, когда все уже пересказано, перерисовано, со всеми малейшими подробностями?»

«Как сквозь сон — пишет он в другом письме — видит ся мне этот самый Иерусалим с Элеонской горы — одно место, где он кажется обширным и великолепным»...

«Природа в Палестине — рассказывает он друзьям по своему возвращении — не похожа нисколько на все то, что мы видели. Но тем не менее поражает своим великолепием, своей шириной. А Мертвое море — что за прелесть! На несколько десятков верст тянулось все под гору. Ни одного деревца, ни одного кустарника, все ровная, широкая степь. У подножия этой степи или, лучше сказать, горы, внизу виднелось Мертвое море, а за ним прямо, и направо и налево, со всех сторон опять тоже раздолье. Опять та же гладкая степь, поднимающаяся со всех сторон в гору. Не могу описать, как хорошо было это море при заходе солнца. Вода в нем не синяя, не зеленая и не голубая, а фиолетовая. На этом далеком просторанстве не было видно никаких неровностей у берегов. Оно было правильно — овальное и имело совершенный вид большой чаши, наполненной какой-то философией жидкостью»...

\*\*\*

За 13 с половиной лет пребывания в Иерусалиме мне неоднократно приходило бывать на Мертвом море и проводить зимой неделю — другую в построенном в первые годы войны замечательном отеле Кална. В Иерусалиме в январе — феврале обычно идут дожди. Дуют холодные ветры. На Рождестве нередко выпадает и глубокий снег, а тут, всего в сорока минутах езды в автомобиле от Иерусалима — не весна, а настоящее лето. Радио сообщает, что в Иерусалиме температура ниже нуля, что моросит дождь, что холодно и неудобно, а тут, у Мертвого моря, купальщики в трусиках греются на солнце, и на террасе отеля гости, в летних платьях, пьют освежающий лимонад, как в мае или июне в Тель-Авиве.

Но особенно восхитителен вид на Мертвое море со Скопуса или с той самой Элеонской горы, с которой Гоголь зирал на Иерусалим. По шоссе расстояние между Иерусалимом и Мертвым морем около 40 километров. Воздушная линия от Скопуса или Элеонской горы до Мертвого моря длиной километров 16—18. Но когда вы стоите на горе Скопус и любуетесь видом Мертвого моря, вам, особенно в ясную погоду, кажется, что оно лежит не в 16-18 километрах по воздушной линии и 40 километрах по шоссе, а что оно тут совсем поблизости. Стоит сойти вниз и через 15—20 минут хотьбы вы очутитесь там.

Эту иллюзию создает свойственная Палестине особая прозрачность воздуха. Когда небо безоблачно, Моабитские горы отражаются в кристальной неподвижности вод Мертвого моря, и со Скопуса или Элеонской горы вы видите горы страны, в которой сейчас властвует Абдалла, в зеркальном аспекте Мертвого моря, и все — это кажется каким-то застывшим зачарованным озером. В этой своей северной части Мертвое море морем, собственно, никак не выглядит.

«Вид большой чаши, наполненной фиолетовой жидкостью» — этому гоголевскому определению нельзя отказать в меткости и художественной правде.

Гоголь побывал у Гроба Господня в Иерусалиме и потом пишет Жуковскому:

«Сподобился провести целую ночь у Гроба Господня, но лучшим от этого не стал»...

Иерусалимский митрополит и заместитель греческого патриарха Петро Милетий дал Гоголю в подарок кусочек камня от Гроба и кусочек дерева от врат Церкви Воскресения с приложением официального удостоверения. Приятельница Гоголя г-жа А. Смирнова, пишет в своих воспоминаниях:

«Что Гоголь пережил у Гроба Господня — осталось тайной для всех. Мне он во всяком случае советовал не ехать в Палестину, ибо «там нет никакого комфорта»...

Неудобства пути и условия проживания в Иерусалиме 1848 года на слабого здоровьем творца «Мертвых душ» произвели, повидимому, более сильное впечатление, чем ночь у Гроба Господня, ибо об этом «отсутствии комфорта» в Святом Граде он впоследствии, (Окончание на 5 стр.).

Не думаю чтобы в Иерусалиме вино было дешевле, чем на распутинской родине. Пил он его у себя дома — пил, по-видимому, и в Иерусалиме.

Не очень повезло с описанием Палестины и советскому писателю Борису Пильняку. Пильняк по происхождению был полу-евреем. Фамилия его была Вогау. Однако о еврействе знал он не очень много. Еще меньше знал он, как видно, географию Палестины. Молодожены из города «Тарбут» (слово «тарбут» по еврейски значит — культура. Пильняк спутал имя культурной организации с наименованием города) едут почему-то осушать Тивериадское озеро, которое он, вероятно, спутал с болотами у Хуллы.

Но о визитах советских людей в Палестину — в следующей статье.

Гершон Свет.

## ГОГОЛЬ В ИЕРУСАЛИМЕ

(Начало на 3 странице)

уже по возвращении домой, неоднократно говорил своим друзьям.

«Где то в Самарии — пишет Гоголь Жуковскому — сорвал полевой цветок, где то в Галилее — другой. В Назарете, застигнутый дождем, просидел два дня, забыв, что сижу в Назарете, точно как бы это случилось в России, на глухой станции»...

Мне неоднократно приходилось проезжать через Назарет. Не думаю, чтобы город в котором Христос, согласно евангельскому преданию, провел свою юность, сто лет тому назад на много иначе выглядел чем в наши дни. Квадратные арабские домики в долине и на пригорках, францисканские монастыри, греческие церкви 17 и 18 столетий — палевые горы вокруг — с пейзажем «глухой станции» в России обшего имеют не очень много.

Любопытно, что этот мотив «напоминает Россию» слышен и у другого большого русского писателя, посетившего Палестину. И. Бунин был в Палестине дважды: в 1908 и в 1909 году. О своей поездке он написал ряд замечательных очерков. Его изумительное стихотворение «Гробница Рахили», которое мы уже приходилось цитировать на страницах «Нового Русского Слова», переложено на музыку большим еврейским композитором Михаилом Фабиановичем Гнесиным. Очерки Бунина «Иудея», «Камень», «Пустыня», «Содом», «Святые места» зачитывались русские монахи в Иерусалиме и сам митрополит Анастасий — глава т. н. «Карловчан», меня когда то просил прислать ему эти очерки Бунина, которые он, по его словам, очень любил.

И вот и у Бунина можно найти такую фразу:

«Вечер был тих, нежные синые дали, летний вечер как на юге России»...

И тут реминисценция скорее личная, чем навеянная сходством пейзажей.

40 лет после Гоголя побывал в Палестине А. С. Суворин. И он был в Палестине дважды: в 1884 и в 1889 году. Путешествие по Палестине редактор-издатель «Нового Времени» свершил в компании двух художников и следствием этого путешествия явилась написанная Сувориным книга о Палестине с иллюстрациями сопровождавших его художников Водовозова и Кившенко. Суворинская книга роскошно издана и если не ошибаюсь была принесена в дар царю Александру III. Книга — большого формата, напечатана на дорогом веленовой бумаге. Иллюстра-

ции ее не поражают особой оригинально технически грамотны и дают некоторое представление о Палестине.

Столь же далек от оригинальности Суворинский текст. Описаны там главным образом христианские святыни Иерусалима, Вифлеема, Назарета. Суворин упоминает в своей книге и об арабах и об евреях, которых он встречал при посещении Стены Плача, в Хевроне, Тивериаде, Зихроне. Импионируют ему преимущественно сефардские евреи. Ашкеназийских евреев он просто титулет «польскими жидами». Описывая колонию «Зихрон Яков» которая была заложена во время его пребывания в Палестине Суворин глубокомысленно заявляет:

«что евреи никогда сами не станут обрабатывать землю да же в Палестине ясно всякому»...

Видно не совсем ясно. Уже тогда, 60 лет тому назад в Палестине было не мало еврейских земледельческих колоний и не мало евреев-земледельцев. Число земледельческих пунктов в современном Израиле превышает 350, и земля в них обрабатывается исключительно евреями.

Дочь Суворина, как мне передавали, тут в Америке посетила как-то редакции еврейских газет в Нью Йорке и уверяла редакторов, что отец ее «никогда в душе» не был антисемитом. Наоборот — уверяла она — в его окружении было много евреев. Вульгарный антисемитский тон суворинского органа известен каждому, кто более не менее знаком с историей русской печати прошлого века. Этим вульгарным антисемитизмом проникнута и его книга о Палестине, в которой к тому же есть не мало несуразностей.

\*\*

Почтил Палестину и Григорий Распутин. Было это в 1911 году. В 1915 году в Петрограде вышла небольшая книжонка под названием «Мои мысли и размышления» — краткое описание путешествия по Святым Местам или размышление Книжка, написанная, по-видимому, одним из распутинских приверженцев — во всяком случае любопытная. В русской грамоте Распутин был не очень силен. Правописание его — чисто фонетическое. «Р о змышления и св е тых местах». Описывает он и свой путь через Грецию, Турцию и Ливан, и святые места в Палестине.

В одном месте Распутин пишет:

«Вино продают в Иерусалиме «ракичку на паричку» и пьют его потому что дешево»..